

Юлия Шаманская

Лесной житель

16+

Юлия Шаманская
Лесной житель

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Шаманская Ю. В.

Лесной житель / Ю. В. Шаманская — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-04630-6

Монах, игроман, или бизнесмен? Жизнь предлагает Григорию все, что он пожелает. Но каждый выбор имеет свою цену. И ему придется заплатить слишком дорого.

ISBN 978-5-532-04630-6

© Шаманская Ю. В., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

Молодой мужчина с тонкими правильными чертами лица и темной окладистой бородой, согнувшись под тяжестью туристского рюкзака, топал через бесснежное заброшенное колхозное поле. Его светлые глаза со слипшимися и покрытыми инеем ресницами вглядывались в темнеющую на горизонте полосу леса. Время от времени он останавливался и сверялся со спутниковым навигатором. «Да, все правильно, с пути не сбился, но почему возделенный лес все не приближается, так, глядишь, и не успею к темноте», – тревожился путешественник. И все больше сжимая брови и краснея от натуги, возобновлял попытки прибавить ходу. Его целью был небольшой деревянный сруб, затерянный посреди белорусского леса, и принадлежавший Свято-Алексеевскому скиту, где он в данный момент числился послушником.

Отшельничать послушник Григорий не напрашивался, поэтому сейчас мог спокойно шагать по замершему полю к страшной неизбежности без «искушений». То есть, в отличие от других, желающих порвать с миром, он не рвался в подвижники, и обвинять себя было не за что. Спокойствие духу прибавляло то, что он отправился в опасный путь не по своей человеческой воле, а по благословению, а значит, если и помрет, то исключительно по воле Божьей.

Последний раз человеческое жилье Григорий видел 5 часов назад. Это была полуразрушенная деревушка, с покосившимися домишками, так что странным казалось, что в ней живут люди. Из сараев раздавалось мычание коров и квохтанье кур, но человека он не встретил на улице ни одного. Так и прошел в тишине. Вышел. Перекрестился. И направился через поля к лесу, который тогда казался гораздо ближе, чем сейчас.

В монастыре Святых Равноапостольных Константина и Елены, которому принадлежал Алексеевский скит, Григория приняли с радостью. Он молод, приятной наружности, еще и голос достаточно приятный, как констатировал местный регент. Кроме того, у молодого послушника имелось высшее образование, нужная городскому монастырю специальность. По профессии Григорий программист, а настоятель монастыря отец Тимофей задумал организовать при монастыре паломническую службу, и тут прилась бы кстати Интернет страничка. Конечно, для этой цели отец Тимофей приглашал мирского системщика, ну а свой – какая экономия! «Мне тебя сам Господь послал», – повторял настоятель, а Григорий смущался, ведь он совсем недавно сам боролся с компьютером и этим демоном современности «всемирной паутиной». Уволился с работы, вынес компьютер в гараж, не смотря на плачь сына, и причитания жены.

Жена. Ее карие глаза не покидали Григория не днем, не ночью. Ведь она повлияла на его решение покинуть мир и уйти в монастырь.

Она была не готова, не поняла, не поддержала. А он был готов ждать «обращения» любимой сколько угодно. А дождался того, что любимая бросила «ударившегося в религию» мужа, и сына забрала. Тогда Гриша стал перед выбором дальнейшего пути. Жениться на другой? Какой смысл, к тому же любит он только ее. Жить одному? Скучно и тоже бессмысленно. Лучше уж в монастыре с братией. Отдал тогда Гриша кота соседке, закрыл квартиру, забрал документы и пошел проситься в ближайшую обитель.

Вечерело. Холодное небо то здесь, то там покрылось яркими всполохами заката, встречный ветер усиливался, под надежными армейскими ботинками похрустывали льдинки, в лицо задувало мелким снежком. Лямки рюкзака еще утром такие удобные, стали давить на плечи, как кандалы. «Вот теперь чувствую монашеское житье, как в книжках, а то пришел в монастырь, а там мне прямо санаторий!» – вспоминал Григорий, пытаясь разогнуть озябшие в теплых рукавицах пальцы.

В монастыре к молодому послушнику сразу проявили всяческое внимание и гостеприимство. Настоятель стал хлопотать об устройстве его в семинарию и пророчил скорый постриг

и быструю карьеру: «Вот увидишь, к сорока годам архимандритом будешь! Нам талантливые насельники нужны!». Братя тоже отнеслись к новому послушнику ласково. Все как на подбор Бог наградил хорошим характером. Всех можно было назвать «не плохие ребята». Стариков в монастыре почти не было, по достижении пенсионного возраста монахов отправляли «на покой» в скит. В том скиту жил местный «старец» Герасим. Был он духовником монастыря и в частности духовным отцом настоятеля. Приходил в монастырь старец по Великим праздникам всегда пешком за несколько километров.

В один теплый осенний день, когда Григорий нес послушание на кухне, его срочно вызвали к настоятелю. Теряясь в догадках, послушник направился в «красную» келию, там он впервые и увидел отца Герасима. Внешность старца поразила необычностью, один в один сказочный гном. Очень маленький, сбитый, с длинной коричнево— седой бородой, он серьезно буравил послушника взглядом. Сходство с гномом оказалось настолько близким, что Григорий с порога, подскочил и перекрестился, шепча слова молитвы. Подумал было, что нечистый над ним смеется, мерещится.

Рядом с «гномом» стоял настоятель, с явно расстроенным выражением на строгом лице.
– Подойди, Григорий, возьми благословение у отца Герасима, – сказал он сурово.

Григорий подошел к старцу, подставил под благословение скрещенные руки и голову, хотя наклониться до его уровня рослому парню стоило труда. Затем так же подошел к настоятелю.

Благословив, отец Тимофей со вздохом объявил:

– Григорий, ты пойдешь с отцом Герасимом в скит, и будешь там подвизаться.

– Но батюшка...

– Не перечь! Такова воля Божья.

Григорий взглянул на смущенного отца Тимофея, и на грозного старца и понял, чья это воля. Да, но зачем он понадобился отцу Герасиму?

В скит «к пенсионерам» Григория отправляли всем монастырем. Некоторые плакали. Говорили, зачем ты им там, что образованному парню там делать, коров доить? По очереди бегали к настоятелю просить за брата, но тот всем отвечал неизменно:

«На то воля Божья!». В связи с последними обстоятельствами и учеба нового послушника откладывалась на неопределенное время. Все были смущены и расстроены, кроме самого Григория, который, кажется, о своем переезде скорбел меньше всех. Даже временами всплывала радость, предчувствие возможности избавиться от чересчур душевной любви и опеки, которую он ощущал, в оставляемом месте.

Глава 2

В скиту работы оказалось много, настолько, что и размышлять было некогда. Но тише, уютней стало в душе. Никто его не превозносил, и не заставлял развивать свои «таланты», до которых послушнику по большому счету не было никакого дела. В скиту Григорий ощутил себя по-настоящему свободным. Он чувствовал безыскусность и настоящий смысл того, что делает. Особенно нравилось ухаживать за старичками, которые уже не могли о себе позаботиться. Даже ворчуны не раздражали послушника, он чувствовал, что делает, действительно, Божье дело. Любил он, и поговорить со старыми людьми, поспрашивать о прошлом, о войне. Так, бывало, заслушается Григорий старичка, и забудет про следующее послушание. Братья даже жаловались на него старцу, но тот ничего, не ругал.

Григорий скоро привык к экзотическому виду отца Герасима, и он начал казаться ему большим человеком. Витязем русским. Таким, какою была его душа. Необычным человеком оказался их старец, удивительно храбрым и твердым духом. Видя это, Григорий с каждым днем проникался все большим к нему уважением и доверием.

Именно к старцу и приходил Григорий плакать. Он каялся, что не может забыть свою жену, свою Анну. Эта неразумная женщина все стоит у него перед глазами и зовет за собой.

– Что делать, батюшка? – рыдал Григорий у старца в ногах, – как мне избавиться от этого греха.

Отец Герасим гладил его высохшей рукой по голове, и приговаривал:

– Ничего не делай, Гриша, не бери в голову, Бог управит!

Как-то брат Пантелеймон, с которым они пилили и складывали дрова, спросил:

– Гриша, а почему тебя до сих пор не постригли?

– Не знаю, – ответил он, отвлекшись от работы.

– Так чего же ты молчишь? Заслужил уже, заработал!

– А что мне говорить, разве мне это решать?

– Ну, а кому ж? Что о тебе все помнить должны? Подай прошение в канцелярию монастыря.

Так он и сделал. Оформил прошение на адрес монастыря и отдал его старцу.

Отец Герасим посмотрел на поданную бумажку, и сказал:

– Ты считаешь, что готов стать монахом?

– Как благословите...

– Хорошо, я пошлю эту бумагу в монастырь, после того, как ты вернешься.

– Вернусь куда? Вы меня отправляете обратно в монастырь?

– Нет, ты пойдешь, обустроишь мою «дачку» в лесу. Переживешь там зиму, весну, лето, а осенью вернешься и поговорим.

Про дачку эту Григорий был уже наслышан. Братья говорили, что так отец Герасим называет место в дремучем лесу, которое никто, кроме него не видел и не посещал. На этой «дачке», если верить монастырским преданиям, отец Герасим и просветлился Духом так, что теперь все знает, и насквозь всех видит. Как услышал Григорий, что он его на «дачку» посылает, так и усомнился в прозорливости старца. Туда же только крепкого монаха можно посылать, почти святого, а от послушника Гриши еще «миром пахнет». Думает ли отец, что делает?

Испугался за свои мысли, и понял, что как бы там не было, хочешь быть монахом – нужно слушаться.

– Отец, как же я найду в лесу дом?

– Я дам тебе карту и навигатор, не заблудишься и в темноте.

– Ну, уж по темноте то я не пойду, выйду засветло.

Ох, эта человеческая самонадеянность! Григорий подошел к месту, где начинался лес, когда сумерки уже объяли все небо, и оно утратило яркие краски. Светящиеся табло навигатора указывало направление. Послушник потянулся к боковому карману рюкзака и с трудом вытащил мощный фонарик. Луч осветил чашу: заросли тонких изогнутых деревьев, кустов, и пожухлую листву, устилающую землю под ними. Он еще раз протянул руку к рюкзаку и достал топорик.

Фонарь надел на лоб, в левую руку взял навигатор, в правую топорик и шагнул в лес. Пробирался осторожно, ощупывая ногами неровности почвы, и прорубая себе путь через кустарник. Стало совсем темно, зато не беспокоил ветер. Григорию было даже жарко, он чувствовал, как сильно бьется сердце, отдаваясь глухими ударами в висках, как стекает по спине пот. Он дергался и подпрыгивал от каждого звука, скрипа собственных сапог, звука обломившейся ветки, даже от собственного свистящего дыхания. Он старался не думать и молиться. Длинные молитвы не выходили, путались. Получалось только «Господи, помилуй», эти слова Григорий начал повторять в слух все громче и громче. Чем глубже Григорий пробирался в лес, тем больше понимал, что ему откровенно страшно. И его мозг перестает понимать, что ему, Грише, хорошему парню, веселому сисадмину, любящему мужу и отцу приспичило ночью в зимнем дремучем Белорусском лесу? Месте, где обитают дикие кабаны и волки. Это их дом! А ему тут делать нечего, ему место дома перед компьютером. Григорий был близок к панике, он перестал кричать молитву, так как боялся звука собственного голоса, из его уст раздавался только свистящий шепот умолявший: «Господи, помилуй мя грешного!».

Наконец, он заметил, что прибор указывает окончание пути. Два кружка он и искомый объект совпали. Григорий остановился и оглянулся. Вокруг были густые кусты, никакого признака дома. Вот теперь к горлу стал подступать настоящий ужас. Григорий прекрасно понимал, что пути назад нет, если он пойдет сейчас, то непременно замерзнет в дороге. Даже если опять преодолит этот кошмарный лес, то замерзнет в поле, тем более, что он так устал, что не в силах сделать и шага. Гриша понял, что попал в серьезную передрыгу, он в растерянности сделал шаг вперед, почва ушла из-под ног, и путник покатился с пригорка, царапая лицо о ветви кустов, фонарик погас, но он крепко держал его в руках. Когда Григорий, наконец, перестал катиться и включил фонарик, то понял, что путешествие, по крайней мере, пока, завершилось благополучно. Перед ним не что иное, как «дача», и, если бы было светлей, он бы сразу ее увидел.

Это был обычный грубый деревянный сруб. Похоже, что его, правда, построил один человек. Дверь оказалась не заперта, замка не имелось. Внутри было холодно и неудобно. В дальнем углу халабуды Григорий заметил очаг. Около него стояли два бревна, вероятно, служившие столом и стулом, все остальное убранство составляли разбросанные полуистлевшие тряпки. Находка дома открыла Григорию второе дыхание. Он резво набросился с топором на стол и стул и быстро все это разрубил, очистил очаг, наполнил его обрубками и полил из припасенной бутылочки зажигательной смесью, завершили композицию тряпки, собранные по всему дому и сложенные в очаг. Возле очага весьма кстати стоял, прислоненный к стене железный штырь. Григорий использовал его по назначению – проверил дымоход, и только убедившись, что все в порядке, поджог камин.

В эту ночь он спал без сновидений. Только разобравшись с очагом, разложил спальный мешок, влез в него и захрапел, однако проснулся еще до рассвета, погасший камин остывал, а во все щели сруба дул холодный зимний ветер, задувая куцый пока что снежок. Григорий понял, что спать ему пока некогда. Он быстро оценил объем работ: замазать щели, заготовить дров, смастерить мебель, приспособить очаг для готовки пищи, утеплить пол, устроить хранилище для запасов еды, найти источник воды, и, наконец, сделать засов, так все— таки уютней будет.

Глава 3

Хорошо, что в скиту послушника обучили мужской работе. Это позволило ему выжить вчера, и не пасть духом сегодня, когда, проснувшись, он оценил масштаб работ. Даже сама постановка вопроса: нужно сделать то и, то, говорила о глубоких изменениях в мировоззрении бывшего офисного работника. Еще год назад он бы оценил положение просто: «Здесь жить нельзя!». Сейчас же он в серьез собирался провести 9 месяцев в продуваемом сарае, без воды, электричества и прочих удобств.

Григорий вспомнил Танюшку. Давно это было. Было Грише лет 20, но он уже прилично зарабатывал на программках, по крайней мере, мог себя прокормить, еще и оставалось. И вот решил Гриша, что он уже взрослый, и, несмотря на то, что жил с родителями, привел домой Танюшку. Это была скромная домашняя девочка 18-ти лет, которая только что можно сказать «вывалилась из гнезда». Она тоже решила, что взрослая. Так и заявила своей маме: «Мне замуж еще рано, я понимаю. Но вот проживем с Гришей, присмотримся друг к другу, а там и свадьбу сыграем через пару лет». На слабые попытки мамы уговорить Таню сначала окончить учебу, она отнекивалась: «Одно другому не мешает». Гришины родители приняли Таню без возмущения, но с каким— то недоумением. Пусть она девушка приличная, и вроде Грише ровня, учится в Вузе на химика, но что она делает у них в доме? Жили своей семьей, втроем, а тут какая— то посторонняя девушка ходит в халате и стоит под туалетом, когда папа по давно установленной традиции, совершает утренний моцион с газетой. Рано утром все в доме спят, и папа уделяет это время себе. Сначала долго сидит в туалете, потом, не торопясь, делает себе кофе, и курит в кухне. К тому моменту, как его совы просыпаются, папа уже успевает проветрить кухню, и снова завалиться на кровать в спальне перед телевизором. В Гришиной семье не жили по установленному государством графику. Папа работал в проектной конторе, и ходил туда, только когда были заказы и то не с самого утра, мама, сколько Гриша себя помнит, домохозяйничала, хотя у нее было высшее педагогическое образование, а сам Гриша в такой обстановке график тоже не признавал. В институт ходил, только на избранные им самим пары, экзаменам предпочитал пересдачи, а в работе свободу и сдельную форму оплаты. А вот Танечка была ответственная. Она каждый день вставала в одно и тоже время и начинала день с того, что стояла под туалетом, где наслаждался покоем папа, и тихонько покашливала, обнаруживая свое присутствие. Изгнав, таким образом, папу с насиженного места, она начинала метаться по квартире, собираться в институт. Хоть девушка и старалась не шуметь, мама просыпалась, папе приходилось выходить курить на балкон, где было в то время довольно холодно, а кофе всем Таня уже делала сама, так как к тому времени, все вставали и бесцельно бродили по квартире. Гриша же был счастлив и не мог нарадоваться на Танюшу, она всегда была активна, весела, и по вечерам в доме раздавался ее непосредственный смех. Скрытое раздражение родителей вылилось в неприятие этого смеха. Когда утром Танечка ушла в институт, мама позвала Гришу на кухню, и трагическим голосом поведала о том, что она потеряла сон, и виной всему Таня, которая смеется до ночи, а утром так топает, что будит всех не свет не заря. Гриша обещал с Таней поговорить. Но это было только начало. Как-то раз мама пожаловалась, что ей, становится трудно обслуживать еще одного человека, что Таня ей ничем не помогает. С тех пор Таня, придя с института, и переодевшись, сразу шла на кухню. А Гриша из комнаты слышал почти всегда один и тот же диалог:

– Надежда Степановна, чем вам помочь?

– Нет. Ничем, спасибо.

– Может, я посуду помою?

– Не надо я сама... ну, ладно... только не сильно воду открывай, чтобы не брызгало в разные стороны.

– ...

– Нет, не эту тряпку...

– ...

– Ну, вот, забрызгала! Дай я вытру. Иди, я сама закончу!

Нужно сказать, что со временем Танюшке больше не приходилось сдерживать свой смех, он как-то сам погас. Сошли на нет и вечерние разговоры молодых. Танюша все больше отмалчивалась, и почти совсем не выходила из комнаты. Дошло до того, что она просила Гришу выйти и посмотреть, есть ли кто в туалете, чтобы пойти туда, и если никого, то пробиралась в уборную, чуть ли не крадучись, чтобы не с кем не столкнуться.

Как-то Танюшка назначила любимому свидание в старом районе города. Сказала, что ей есть, что ему показать. Перед дряхлой пятиэтажкой, она остановилась и с горящими глазами объяснила, что сдается квартира по приемлемой для них цене. Цена действительно была приемлема, и Гриша согласился посмотреть. Они поднялись на последний пятый этаж, идти пришлось по грязной темной разукрашенной неприличными надписями лестнице. Танюша нажала засаленную кнопку звонка, прикрепленного к обычной деревянной двери, покрытой облупившейся масляной краской. Им открыла женщина неопределенного возраста с крашенными хной короткими кудряшками, в сером свитере с огромным растянутым хомутом и блестящими висюльками на впалой груди. Гриша сразу заметил неровный облупленный пол, покрытый протертым в нескольких местах паласом, закопченный от курения потолок, гнилые трубы в совмещенном санузле, перемотанный изолентой бачек унитаза, стиральную машинку, по возрасту годившуюся ему в матери. Заметил, что на кухне отрезан радиатор отопления. Женщина пояснила, что попросила отрезать его и закольцевать трубу из экономии, ведь зимой на кухне все равно тепло из-за газа, зачем же платить за лишние метры. В глазах у Танюши энтузиазм не пропал, она спрашивала, можно ли будет переклеить обои, побелить потолок, подключить бойлер, постелить другой линолеум. Женщина отвечала, что можно, только она не будет вычитать стоимость ремонта из квартирной платы, но зато если жильцы надумают делать что-то — то, то можно заключить длительный договор, с условием, что арендная плата за это время подниматься не будет.

Потом они сидели на скамейке. Гриша объяснял Танюше, что в таких условиях жить нельзя. Мало того, что район никуда не годится и соседи, скорее всего, подозрительные. Так еще в квартире полная разруха, даже зайти было противно. Тут нужно все выносить, обдирать, менять трубы и сантехнику, покупать мебель. Тут одним косметическим ремонтом не обойтись, к тому же не их это квартира, к чему на нее тратиться? Танюша робко напомнила, что они еще студенты, а значит, могут проще смотреть на бытовые неудобства. Вот их однокурсники живут в общежитии, несколько коек в комнате, да еще и платят консьержке за койку больше половины того, сколько придется за эту квартиру в месяц отдавать, и ничего — живут, веселятся, хорошо себя чувствуют. А вот пара Рома и Вика, вообще счастливики, им удалось за большую взятку комнату в малосемейке выпросить. Комнатушка маленькая, кухня на 10 семей, туалет и душ тоже. Так им все завидуют из общежития, и не только...

Ах, Танюшка, Танюшка! Решил Гриша тогда, что на нее блажь нашла, студенческой романтики захотелось. Сказал, если кому и стоит завидовать, то это им. Живут в отдельной комнате, в большой благоустроенной квартире, под крыльшком у родителей. Не за что не платят, им и готовят, им и убирают... Промолчала Танюшка, а через день и ушла. Пришел Гриша домой, спрашивает маму: «А Таня не приходила?». Приходила, говорит, собрала вещи и попрощалась. Как это попрощалась? А мама сразу в штаны:

– Ничего я ей не говорила.

– А я и не думал, что говорила, пока ты сама не намекнула. Что случилось?

– Не знаю, дерганая она у тебя какая-то. И ко мне, как к врагу относится, как будто я ей зла желаю...

Ничего тогда Гриша не понял из маминой речи, пошел к Танюше. Ее мама бывшего гражданского мужа на порог не пустила, говорит, нет дочки, оставь ее в покое. Выжили девочку, и живите спокойно теперь.

На все последующие звонки Таня или не отвечала, или просила дать ей возможность немного побыть одной, подумать. Так у них и не сладилось, и все из-за его любви к комфорту. Последняя мысль заставила Григория усмехнуться, как бы разбалованный юноша отнесся тогда к такому жилищу, как его новая халабуда? Зато райончик хороший, соседи пока не беспокоят.

Григорий встал, надел сапоги и куртку, вынул из рюкзака термос, и вылил в кружку остатки холодного кофе. Для приготовления следующей порции ему уже придется серьезно потрудиться.

Он открыл дверь. В лицо ударил легкий ветерок с пряными запахами готового к зиме леса. Дачка была построена в небольшом овражке, который окружали покатые склоны, поросшие кустарником, а вокруг все лес и лес, состоящий из лиственных деревьев и редких сосен. Серое затученое небо укрыло мир мягким оренбургским платком, который казалось, можно потрогать рукой. Григорий вспомнил, как вычитал когда-то в Интернете, что до космоса совсем близко, всего час на автомобиле, только если ваш автомобиль может передвигаться вертикально. Прочитав в свое время приличную стопку «житий святых отцов», Григорий знал, что целью отшельничества, является скорейшее восхождение на небо, даже без помощи фантастического автомобиля. Он также знал, чувствовал, что это не его цель. По какому же недоразумению, Гришка попал в подвижники, и мог ли отец Герасим так ошибиться? Так думал Григорий, но не двигался, и с места уходить не собирался.

Выпив последние капли кофе, он зашел в дом, зажег свечу и принялся читать молитвенное правило.

Глава 4

Судя по карте, озеро должно быть где-то здесь. Григорий уже час кружил по лесу, несколько раз натыкаясь на собственные зарубки, оставленные им на деревьях, чтобы не заблудиться. В душу на скользких лапках закрадывалась тревога. А что, если не найдет? Без воды он в лесу и дня не протянет. Не могло ли озеро пересохнуть? Тьфу ты, что за чушь! Ручеек может пересохнуть, но озеро!

Григорий остановился, оперся о ствол дерева, и попытался собраться. Так, прежде всего, нужно прогнать дурные мысли и эту мерзкую тревогу. Григорий расслабил плечи, взглянул вверх на небо. Высоко над ним пролетело несколько птиц. Вороны? Постепенно его дыхание восстанавливалось. Чем больше он смотрел на небо, тем спокойнее становился. Серое пространство манило в свои просторы, Григорий чувствовал, как растворяется в нем, как его охватывает покой и единение с этим большим, но родным ему миром. И небо, и тихий шелест голых ветвей и трепетание на ветру одиноких желтых листьев, из последних сил, удерживающихся на сбросивших листву деревьях, и ласка свежего холодного ветра по щеке – все это земное. И он земной, он принадлежит этому миру. Это его земля, его деревья, его лес, его ветер. Это его дом.

С детства Гриша привык считать домом несколько маломерных ячеек в высотке, которые являлись квартирой его родителей. Здесь он чувствовал себя защищенным, как в крепости. Ведь были сложные замки на двери и решетки на окнах. И в эту дверь могли войти, воспользовавшись ключом, только его родители, а также те, кого родители признали хорошими людьми. Там же за дверью был другой мир, полный опасностей, и злоумышленников. Григорий вспомнил, как мама все время теряла ключи в доме, сколько папа ее не учил, чтобы вешала на специальный крючок в прихожей, все без толку. Кинет где попало, а потом ищет. Зато искала она своим оригинальным способом, который для мальчика Гриши всегда был поводом поиграть в веселую игру. Стыдно признаться, но иногда Гриша специально снимал ключи с крючка, чтобы поиграть с мамой. Способ назывался «ну, и не надо». Мама говорила ключам, как будто они были живые:

«Не хотите находиться? Ну, и не надо! И вовсе мне не нужны никакие ключи, не ищу я их. Даром они мне сдались! Я ищу расческу». Так она принималась ходить по дому и приговаривать. Где же расческа? Да, не эта другая – синенькая. На удивление ее хитрость всегда имела успех, и ключи быстро находились.

Григорий потянулся, отошел от дерева и громко крикнул: «Не находишься? И не надо! Даром ты мне сдалось! Мне нужно найти тонкие веточки, чтобы утеплить пол». И он стал искать веточки. Кусты ореха, встречающиеся ему на каждом шагу, не годились. Их ветки были жесткими и ломкими. Нужно что-то другое. А вот и то, что нужно. Григорий заметил заросли ивняка. Ивовые прутьики прекрасно подойдут... ну, и дурачок же я!

Ива – это же водное растение, значит озеро там.

Григорий вприпрыжку кинулся к ивняку, так и есть.

Судя по карте это и было то самое озеро, хотя при ближайшем рассмотрении оказалось всего лишь небольшим прудом. Но это отца Герасима пруд, подумал Григорий, и он имеет право назвать его, как хочет, хоть океаном. У берегов пруд начал покрываться льдом, скоро, чтобы добыть воду, нужно будет рубить прорубь. Григорий набрал, принесенную с собой цистерну водой, нарубил ивовых прутьиков, сколько смогло уместиться у него на плечах, и направился к дому. Завтра он снова придет к озеру и послезавтра. На ближайшие девять месяцев этот пруд станет его Григория озером, если Бог сподобит дожить.

Глава 5

Того, Кто вечно был и есть,
Рождает миру Дева днесь.
И Непреступному Ему —
Непостижимому уму
Земля нашла уже приют.
И в небе ангелы поют,
И пастухи спешат с холма,
И пред Звездой теснится тьма,
А за Звездой идут волхвы.
И в эту ночь познали мы,
Как ради нас родиться мог
Младенец – Он же вечный Бог.

Григорий пел во всю силу голоса, закрыв глаза и прислонившись к бревенчатой стене хижины. Когда он окончил очередной Рождественский куплет, то, смахнув ладонью набежавшие слезы, поднялся и прочитал церковный кондак Рождеству. Затем перекрестился и уселся за кое— как сколоченный из бревен стол, на котором был «сервирован» праздничный ужин: компот из сухофруктов, банка кильки в томате, гречневая каша и диабетический хлебец. Если не считать, кильки, то подобным образом Григорий ужинал, чуть ли не каждый день. Но килька береглась только на самые большие праздники, такие как Рождество, и если Бог даст дожить, то Пасха. А компот в честь праздника был особенно наваристый, не экономный.

Григорий праздновал. Вчера вечером после первой звезды он ужинал кутьей из гречневой каши и отнятых у ворон орехов, которые запасливые птицы закопали в лесу осенью. Пока снег не покрыл землю Григорий, шерудя палой в пожухлой листве, то и дело наткнулся на воронью кладовую, и без зазрения совести грабил. Теперь у него была настоящая кутья, и настоящая первая звезда, дождавшись которую, на его Григория необычно близком лесном небе, можно было эту кутью съесть, полизав «для праздника» кусочек сахара. Звезда была Григорию и свидетельницей и сотрапезницей и собеседницей, он пел ей задушевные песни о тихом свете, который пришел на землю с рождением Христа.

Уютно стало Григорию в его хижине. Он наслаждался покоем, слабым потрескиванием бревен в очаге и завыванием ветра в трубе. Отшельник знал, что там с наружи хижину покрывает белое одеяло. Задувает стены, заваливает дверь, и утром ему дверь уже будет не открыта. Но он не переживал, знал, что на рассвете, когда погаснет очаг, ползет в трубу, нырнет с крыши в мягкий снег, а потом, порезвившись в нем, как дитя, примется откапывать двери. И если погода будет солнечная, то лучшего развлечения не сыскать. Человек ко всему привы-

кает. За два с лишним месяца привык Григорий и к суровому отшельническому житью, и к одиночеству. Приучился разговаривать с собою вслух, громко петь, преодолев привычку не выражать свои чувства так, чтобы не потревожить людей, и находить радости там, где раньше их не замечал.

Но нелегко далась Григорию эта наука. Первое время своего одиночества он был как натянутая струна. Дни, а особенно ночи постоянного страха, чуть было не повредили психику молодого человека. Он чувствовал себя, как моряк, потерпевший крушение, который брошен на волю волн, и пытается спастись в океане, уцепившись за небольшой обломок погибшего корабля. В перерывах между тяжелым трудом по превращению сруба в жилье, и добыче средств для выживания, мозг Григория кричал: «Что ты тут делаешь? Это же просто опасно! Зачем похоронил себя зимой в этом глухом месте? Твое место среди людей, беги к ним, что ты слушаешь какого-то старого выжившего из ума гнома? Он стар и всю жизнь был уродлив, а ты молод, силен и красив! Тебе еще жить и жить». Вот так смущали Григория мысли, но он не поддался им, видно был в, когда-то разбалованном родителями и женщинами красавце некий стерженек, который, отражая все атаки «мысленного врага», а в сущности собственной природы и привычек, все глубже вращал в землю, как русский сказочный богатырь, которого били дубиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.